Литературно-художественное издание

Мальцев Денис

КЛАДБИЩЕ БЫВШИХ МУЖЕЙ

Жанр:
Мистика, ужасы
Цикл: Пять символов
Цикл: Хочу надышаться, глядя на неё

Аннотация

Совсем ещё зелёный матрос получил долгожданный месячный отпуск в прибрежном городке Камчатского залива. Планов грандиозных парень не строил, но они пристроились к нему сами.

Через любовь.

Она попалась ему на глаза лишь единожды и вот он уже считает, что никого и ничего красивее не видывал прежде и не увидит в дальнейшем. Нужно-то только здесь и сейчас познакомиться, перешагнуть свою сложную нерешительность и действовать.

Через смерть.

А тем временем в округе уже много лет орудует серийный убийца, расправляющийся со своими жертвами с особой жестокостью, лишая их всех внутренностей и распиная в лесах меж деревьев бренные останки.

Накануне такого убийства и начинается отпуск Вика Платонова.

Лепестки отпуска

Вот и окончилась первая автономка длиной в девяносто суток на подводной лодке Проект 688 «Лада» под названием «Mawar».

Молодой матрос, Вик Платонов сошёл на сухую землю в форме, которая своим видом показывала, как именно он проходил свою службу. Её не удалось полноценно отстирать от масляных пятен на штанинах – он трудился всю службу так называемым «карасём» – новичком, вычищающим трюм от масла, воды и грязи. Что поделать, первые два года службы на подлодке именно такие. Выбрал такой путь, сиди и не вякай, выполняя, что положено. И Вик всецело выполнял, служба ему нравилась, нужно-то только перетерпеть эти два года. Он осознанно сделал выбор в профессию моряка, потому чувствовал себя после автономки подо льдами Северного Полюса больше счастливым, нежели утомлённым.

Прибрежный городок на Камчатке, Припартск, где базируется сразу четыре подлодки с шестнадцатью автономными боеголовками, способные стереть с лица земли десятки стран. Городок аутентичный со своеобразной архитектурой и колоритной насыщенностью в пятьдесят и одну тысячу человек. Городок охотливо и полуторжественно встречал сошедших моряков. Их потчевали, выдавали приветствия, угощали сигаретами на улице и показывали на них детям, оглашая, какие бывают примеры для подражания.

Вик, удивлённый твёрдости земли очень долгое время стоял на берегу и созерцал почву под ногами как нечто, увиденное им впервые. Хотя у командира подлодки имелся стеклянный шар, наполненный землёй, который он постоянно носил с собой и демонстрировал всем на ежедневной основе. А здесь она настоящая, не за стеклом, её можно потрогать. Как же земля смущала, радовала взор, и тянула к себе. Хотелось припасть к ней, немного полежать и уж потом двигаться дальше. Но Вик счёл это странным в глазах мимо проходящих зрителей и нетвёрдой походкой двинулся из порта в город, по привычке собирая сигареты от всякого желающего угостить его. Он их припрятывал в карман, а потом отдавал сослуживцам, встреченным в городе, сам не курил.

Двадцати четырёх лет отроду. Вик имел средний рост в сто семьдесят пять сантиметров, что было чуть больше, чем нужно для комфорта на службе, но чуть меньше для комфорта в жизни. Жилистый, худой, проворный, с коротко стриженной чёрной, словно промасленной головой, орлиным взором и длинными пальцами пианиста. Сирота с детских лет, лишившийся родителей в авиакатастрофе, проведший все годы до

восемнадцатилетния в детском доме, после поступил на учебу в военно-морское училище, а уж за ним подписал контракт на службу во флоте.

Жизнь парня в подростковом возрасте изобиловала конкурентной жестокостью внутри мальчишеского коллектива, но он всегда держался усреднённого нейтралитетного положения. Старался никого не задирать, а при случае давал крепкой сдачи агрессорам, если удавалось. Все должны получать тычки и удары только по заслугам, а не потому, что они попались в чей-то нездоровый обзор – так он считал.

Вик увлекался шахматами – единственное развлечение, кроме домино под водой – и чтением, проникаясь Кинговскими и Лавкрафтовскими ужасами – не особо приветствующимися под водой в замкнутом пространстве. Если офицеры замечали за чтением таких книг матросов, то заставляли по нескольку раз после перечитывать устав и драить гальюны. Но поклонников такой литературы это не останавливало, и они находили способы быть незамеченными. Один парнишка даже дошёл до того, что приклеил корку от устава на рассказ «Тайна крушения Батискафа Титан» и, собственно был таков – уволен со службы за жесточайший по порочности проступок.

Вик занимался пауэрлифтингом. Несмотря на свои кондиции и вес в каких-то семьдесят килограмм, он способен был поднимать штангу на становую в двести восемьдесят кг, что принесло ему прозвище «Муравей». Но под водой спортом заниматься запрещали, оттого, что воздух там был искусственным и это сильно вредило сердцу, потому он больше переключался на интеллектуальный загруз.

Что касалось личной жизни, здесь Вик тоже пребывал в плавании – свободном. Последние отношения закончились так же, как и предпоследние – возлюбленная желала отговорить от службы во флоте и не собиралась мириться с длительными автономками. Она даже называла его морским вахтоВиком, каверкая ударение. Он верил, что найдётся та, которая приемлет подобный образ жизни, ведь отпуска он так же получал довольно большие.

Вик уже по полюбившейся моряками традиции зашёл в прибрежный бар «У Уключины три Весла», где наливали первый бесплатный бокал пива, сошедшим в увал морякам. Пива не жалели – пена переливалась через край, но бокал был гораздо уже обычного, а само пиво самым дешёвым, но все моряки всё равно собирали свой «Первый сорт земной халявы». Собственно, так это пиво впоследствии и начали называть – хозяин, добродушный пузатый седовласый усач варил его сам, потому, мог позволить разливать морякам бесплатно.

Вик, как и многие другие моряки, уже разместившиеся за стойкой, уставился в телевизор, висящий под потолком. Пузатый усач приветливо придвинул к нему уже наполненный шипящий бокал.

Вик раздал соседям по сигарете и отхлебнул пены, глядя на новостную сводку с экстренной пометкой. Мужчины-моряки подняли бокалы друг за друга, прозвонили заполненным пенной жидкостью стеклом и перелили ту жидкость в сосуды, носящие их души и жизни.

Так и начался отпуск.

Диктор новостей с обрыва фразы перенёс зрелище с его студии со стойкой, к лесам близ Припартска. Где между двух деревьев под самыми кронами было найдено человеческое тело. Точнее, таковым оно выглядело изначально – ведь оно было распято по рукам и ногам крест-накрест и привязано к кронам и потому выглядело, как тело. Но на деле же, оно являло собой тот же пустой бокал, стоящий за соседней стойкой – опустошённая ёмкость. Ибо никаких внутренностей у найденного не было. Ни мышц, ни костей, ни органов, ничего – просто кожа человека, как полноценный комбинезон.

«Дредфорт», – подумалось начитанному Вику, вспомнившему знак дома Русе Болтона из Игры Престолов.

Моряки переглянулись с мрачными лицами, усатый бармен перекрестился и траурно покачал головой. Это не первый подобный случай. Полиция уже не один год разыскивает серийного убийцу, раз в месяц подвешивающего кожу человека без внутренностей между деревьями. Делал он это всегда одним и тем же способом и не оставлял никаких улик от своего присутствия. Дело висело из года в год открытым и каждый месяц резонансно проходило по всем новостным и сплетническим каналам Припартска.

Кто бы ни был тот человек, он умел загнать в чувство сосущего страха тысячи людей. У жертв не находилось ничего общего, кроме того, что они были людьми. Любая классовость, пол, габариты, возраст. Ничего связующего. Да и самой главной загадкой оставалось то, куда же девались внутренности, ведь ни один фрагмент жертв никогда не находили ни поблизости, ни вдали от трупа.

Вик продолжил потягивать пиво, попытавшись выкинуть из головы жуткую картинку. Бармен помог, переключив канал, но слишком поздно, мог бы сделать это до поданной новости. С другой стороны – для его бизнеса это хорошее подспорье в виде общего обсуждения и сближения сидящих за стойкой, а значит и продления распития.

Вик в их число решил не входить, он допил бокал и под слегка разозлённое лицо бармена покинул заведение.

На этот отпуск в планы Вика входила помощь друзьям сослуживцам на даче одного из них. Так же он собирался позаниматься самообучением, спортом, ну и, как следует отдохнуть на природе, поскольку отпуск выпал на июль-август, единственные два месяца в году под Тихим Океаном, дающие действительно комфортную тёплую температуру. На той самой даче они и собирались отдохнуть, в каких-то тридцати километрах от Припартска в деревеньке Подклюево. Жители этой деревушки, по словам Антохи Кордона – хозяина дачи – уже много лет страдают от сильнейшего неурожая и им приходится всеми возможными способами, ресурсами и удобрениями повышать плодородие. Собственно помощь-то и заключалась в агро-мероприятиях. Теплицу возвести – своими усилиями, чтобы подешевле, а то не сильно жалуют служивых, чтобы покупать готовые теплицы. Да произвести несколько всяческих мероприятий с грядками – от прополок и засыпания удобрений, до дополнительных фиксирующих надстроек, да самодельного автополива. Взамен же за помощь, всё взошедшее всегда к услугам помогавших, а так же в придачу постоянные посиделки перед мангалом под открытым небом, с далёкими и необузданными звёздами.

Парни решили взять таковые дачные мероприятия за ежегодную традицию и настроились повторять это каждое лето, если, конечно, будут выпадать отпуска. Брат Антохи тоже служил на подлодке, но ровно в другую смену, они как-то умудрились договориться с начальством как раз из-за этой дачи, чтобы они могли ухаживать за ней посменно и, чтобы, собственно, разделиться друг от друга по службе. Вику такой экстремальный уход за дачей в ужимку братским отношениям казался сомнительным.

Свой брат у него тоже имелся, старше его лет на десять, насколько он помнил, но Вик никогда его не видел после смерти родителей. Он пытался заняться поисками по архивам, но пока лишь попадал в тупик. Сложность возникала с именем. Имя брата напрочь забылось из памяти, а насчёт своей фамилии он не был до конца уверен, что она принадлежала его семье изначально, а не была назначена детским домом.

Поисками брата он занимался не чаще, чем раз в год и очень стыдился, что постоянно опускает руки в этом направлении. Но и перебороть себя не мог, находил самооправдания своим бездействиям, но в то же время краснел и ненавидел себя.

Сегодняшним же днём Вик просто планировал остановиться в пригородном отеле на окраине, с прилегающей речушкой для купания и отличным по вкусу и ценам кафе с видами на древний ольховник на фоне вулкана Ключевской Сопки.

Вик мог часами созерцать эти будто живые ольхи, пресмыкающиеся перед поистине королевским скалистым исполином, таящим в себе безграничную опасность.

Антоха Кордон первые три дня отпуска планировал посвятить своей девушке, посему дача простаивала и работу начать всё равно б не удалось.

Так Вик и поступил. Он с огромным удовольствием протоптал весь город через центр, слегка покачиваясь от пива и раздавая встреченным матросам сигареты, в свою очередь, собирая их же от предлагавших горожан. Его скромный, но увесистый рюкзачок за спиной метался с одного щуплого на вид, но жилистого плеча на другое.

Вик наслаждался влажным тёплым воздухом, наполненным ароматами чистого города. Стоило в ноздри вкрасться чесночно-хлебному аромату, и он тут же поддался искушению и прикупил в булочной чесночный багет с сырными проставками. Сыр плакал молочными слезами, стремясь сбежать с багета на землю, зловеще обжигая пальцы Вика. Но матроса лишь забавляло это заигрывание с аппетитом, потому, ни одна сырная капелька не шмякнулась в двухцветную брусчатку. Конечно, он собирался не есть до кафе при отеле, чтобы со всей верностью набить живот именно там, но уж больно заманчивым оказался хлеб.

Отель Филипповка, не славился многолюдьем, но держался на плаву со времён основания Припартска. Кто-то даже поговаривал, что сначала появился этот отель, а уж после вокруг него строился Припартск. Этим кем-то был владелец Филипповки с созвучным именем. Потомок всех Филиппов, владеющих Филипповкой до него, носящих созвучные имена и отчества Филипповичи. Надо ли добавлять, что бизнес этот был семейным, и даже надо было так совпасть: фамилия у них была в том же созвучии – Филиппов. Всё, чего жаждали представители этого семейства – родить сына. У некоторых получалось с первого раза, другие проходили тернистый путь через несколько дочерей, но цель всегда выполнялась, и отель передавался в руки подросшего Филиппа, из рук старенького Филиппа.

Кафе же в Филипповке называлось: «Поешь с Крупской». Они вдохновлялись историей Ленина и Надежды Константиновны и никогда не меняли внутреннего оформления кафе, заключавшегося в революционно-литературных обтрёпанных произведениях и портретах, исполненных разными художниками в разных направлениях.

Все блюда так же носили своеобразные названия. Например, любимая солянка Вика имела красный цвет борща и называлась «Коммунистический тон», плюшки к чаю в форме короны, назывались лаконично «Вождь». Шашлык из курицы назывался «Госслужба», Из свинины – «Ведомство», а из баранины – «Сексот». Десертный тортик «Революция Сдобы» нагло просился быть заказанным при каждом посещении кафе. А всякий, кто посещал это кафе впервые, желал заказать как можно больше всего, и вернуться вновь, дабы ощутить дух Того времени.

Вот и Вик пристрастился к этому заведению без желания пробовать другие.

Дневной час привлёк к себе пару десятков посетителей, но любимый столик у окна оставался нетронутым.

Вик расположился и взял со стола скрученную газету в гранёном стакане. Ещё одна фишка кафе «Поешь с Крупской».

С первого же разворота наткнулся на кричащую новость о найденной коже пустого человека. Он отложил газету, чтобы читать статью вскользь и больше наслаждаться видами.

Заказал себе бокал пива под названием «Пенный Приговор» и шампур «Сексота». Пенный Приговор отличался от Первого сорта земной халявы так же, как золото отличается от мочи. И каждый глоток этого человеческого жидкого творчества хотелось потягивать с закрывающимися от наслаждения глазами.

Вик не торопясь трапезничал, оглядывал древние ольхи, насыщался, вычитывал статью и окидывал взглядом изредка входящих вовнутрь.

Вот уже у него подошёл к концу второй бокал.

– Как так этот приговор так быстро выносится – думал он, увидев уже наполненный третий бокал, как только второй закончился.

Провожая взглядом официанта, Вик оглядел вновь прибывшего – офицера, капитана первого ранга. Он вздрогнул при статности такой важной фигуры. Сам-то он оставался в форме, а значит, прикажи ему что офицер, он будет обязан это выполнить.

Когда же его слегка испуганный взгляд дрожаще направлялся назад к окну и ольхам пред Ключевской Сопкой, он зацепился за девушку.

Зацепился, дёрнулся дальше, вернулся, ещё больше вспугнулся оттого, какая она и убежал вместе с краснотой своего хозяина к окну.

Ему показалось, что она поймала его взгляд тоже. И это вызвало смущение.

Вик готов был поклясться, что её здесь не было, когда он пришёл, но она и не заходила во время его посиделок.

Взгляд Вика вернулся к окну и только тут он начал заторможено анализировать, как она выглядела. Как она выглядела в его глазах и конкретно для него. Не вовлекая в это чужие вкусы, эталоны красоты и всяческие мерила. Он вспомнил, как его тряхнуло, когда он наступил на твёрдую почву и тут, его сердце показало ему, как можно затрепетать куда сильнее на ровном месте, просто от осознания увиденного.

И он затрепетал, дрожащей рукой нарезал себе малюсенький кусочек шашлыка и зачем-то снова побежал глазами, искать её, как бы невзначай, но как уж выходило.

Она сидела за столом столь статно, что казалась выше любого и присутствующих, даже стоящих на ногах. Ей не потребовалось быть в расписных платьях, не понадобилось расписывать своё лицо косметикой или же украшать себя ювелирными изделиями, для того, чтобы подчеркнуть красоту. Она сама подчёркивала само понятие красоты своим присутствием. Словно бы это слово «Красота» под неё и писалось.

Всего-то чёрный тугой хвост, да чёрная майка и всё. Никогда прежде Вик не встречал девушки, производящей такой эффект. Стройная, но с потрясными формами, утончённая, больше смуглая, чем нет. Карие глаза, в этот раз на что-то отвлечённые, ярко выраженные скулы и зовущие губы, с подчёркнутой нижней.

Вик перестал дышать. Ему вдруг захотелось до глубины души проникнуться ей, её увлечениями, устремлениями и жизнью, частью которой он себя тут же представил в краткое мгновение, построив счастье у себя в голове.

Внизу живота сделалось дурно – что называется, бабочки залетали, ноги стали ватными, а мысли перебивчивыми. От смелости, до трусости в непредсказуемо скачущем диапазоне. Жаль смелости улавливалось куда меньше.

Вик каждые несколько секунд начал ловить неистовое желание подойти и познакомиться, и тут же его отбрасывая, пунцовея и не понимая, что ему говорить-то.

У него вон, штаны промаслены, не простираны, да и даже со стороны себя не видел уже не один день. Под водой вообще не часто пользуешься зеркалом. Но как же он возненавидит себя, если не попробует. Вик ещё пригубил пива – слишком большой залп, пена прыснула ему на рубаху.

Хотелось и взматериться от всей души и вида не подать. Вик наскоро пропитал пиво салфетками и недолго думая, вскочил, чтобы подойти к ней.

Но тут же съёжился внутри себя и направился в туалет. Благо, мочевой пузырь в помощь действительно затрещал, после того, как он встал.

Он снова бросил взгляд на девушку, читающую газету. В момент, как только он облюбовал её глазами, всего-то на секунду же, она внимательно подняла свои и тяжеловесно взглянула на него.

Он тут же отвел взгляд.

«Да что за трусость-то такая! Это же мне не свойственно! Неужели так трудно решиться, тряпка!» – выругивал он себя, двигаясь в уборную, – «Слишком мало выпил, ну а без пива слабо решиться?!»

Вик закончил все дела, долго и внимательно мыл руки, затем осмотрел себя в зеркале с какой-то подозрительно затяжной внимательностью.

«Да всё вроде бы соответствует образу, нормально ты выглядишь! Мужик! Рубашку щас посушу в рукосушке и всё! И идти надо! Иди, давай, нечего тут стоять. Да ладно, посижу тут в кафешке у Крупской каждый день, не раз ещё появится, а я буду в какой-нибудь другой одежде. А то тут этих моряков пруд пруди, такому мне – в виде карася – она сразу откажет! А если она здесь вообще проездом и больше никогда её не увижу? Я же не встречу больше такой красивой! Пробовать нужно сейчас, она же, блин, совершенство!

Он нервно ополоснул лицо, затем ещё и ещё раз.

– Как же трудно иногда сделать шаг! – прошипел он себе. Ему даже по отражению своему ударить захотелось.

Все же Вик собрался и выскочил из уборной.

Ещё в коридоре заслышал, какой-то полуконфликтный шум. Кто-то зычно ругался.

И, конечно же, этим кем-то оказался офицер, которому Вик обязан был подчиниться при любом раскладе. А ругался он, стоя над той самой девушкой.

У Вика душа ушла в пятки, захотелось застонать от упущенного шанса. Теперь он точно понимал, что надежды на знакомство больше нет.

– Да как смеешь ты меня игнорировать, э? Ещё раз говорю, пойдём, выйдем и как белые люди познакомимся и поговорим! – рявкнул он, – А иначе…

Девушка сидела, будто ничуть не испугавшись и не потеряв в своей великолепной стати на одной акции.

У кричащего капитана первого ранга в руках так же ютился осушенный бокал Приговора. Только, если в ладони Вика этот бокал выглядел солидно, то в этой гигантской лапище, он смотрелся как скудненькая рюмка.

Вик на ватных ногах поплёлся к своему столу, но, проходя за спиной офицера, его странное состояние наконец-то остановилось в редчайшем диапазоне смелости, и он чуть было даже не толкнул громилу в спину, но вместо этого вклинился между ним и ней.

– Товарищ капитан, эта девушка моя жена! Извините за неудобство! – твёрдо, даже как-то по-военному гавкнул он в лицо офицеру.

Капитан первого ранга, ростом, наверное, под два метра, осоловело захлопал глазами, глядя на Вика. Ещё пару секунд и он попросту размажет молодого матроса. А пока они не настали, Вик зачем-то вручил ему охапку сигарет из кармана, ухватил девушку за тончайшее запястье и потянул к выходу.

«Господи, какое же нежное прикосновение к её коже», – Вика всего прошило мурашками с ног до головы. Она подчинилась его движению и следовала за ним.

Он полагал, что не будет оборачиваться, но вместо этого обеспокоенно швырял голову назад себя, сначала утопая в её заинтересованном выражении лица, затем в страхе оглядывая громаду офицера, к которому уже самолично подбегал хозяин Филипп, а затем с грустью наблюдая свой рюкзак с пожитками и недопитое пиво, оставшиеся за столиком. Наверняка умыкнут местные революционеры.

Офицер начал сдвигать Филиппа, утверждая, что она сидела одна, а моряк где-то у окон.

– Я не посмею ему перечить, если он мне прикажет, – пропыхтел он ей, – Лучше убираться отсюда!

– А мне, – с полусмешком спросила она, тем не менее, ускорив шаг.

– С вами всё ещё сложнее! – признал он искренне.

Он вывел её из кафе через проходной коридор с отелем и начал дёргать все ручки дверей подряд.

– Надо спрятаться, доверьтесь мне!

Третья дверь оказалась незапертой. А одноместный номер – пустующим.

– А ты не думаешь, что он тоже начнёт дёргать ручки, и быстро наткнётся на нас? – спросила она уже не так непринуждённо, как прежде.

И верно, теперь-то они загнали себя в ловушку с одним выходом. На первом этаже окна не открывались. А значит, бояться есть чего.

– За это не переживай, – не задумываясь переключился на «ты», Вик, с полной уверенностью в голосе, которая должна была защитить кого угодно, от любой напасти, – Здесь двери со старыми магнитными замками, которые закрываются с третьего раза. Вот, смотри, – Вик открыл дверь и снова захлопнул. Больше дверь не открывалась.

– А как мы выберемся обратно, ты не подумал? – приподняла она свои великолепно исполненные брови без сильного наезда.

– Так уборщица через час должна быть, – покраснел он.

– И что мы здесь будем этот час делать? – поинтересовалась она с чувством подступающей скуки.

Или, ему так могло показаться.

– Для начала, спасёмся! – прошептал он, поднеся палец ко рту и наслаждаясь её лицом.

А в коридоре послышались нарастающие крики и звуки ударов кулачищами по дверям.

– Да остановитесь, вы, товарищ, ушли они! – хлопотливо кричал кто-то.

– Я не такой слепец. И выпил мало! И терпеть не могу, когда мне отказывают! – прорычал чудовищный ответ, – Не выходили они на улицу!

Он долбил сначала в первую дверь, из неё кто-то вышел, начал было ругаться, но тут же замолчал, видимо, поняв, что это рискованно.

Затем долбёжка продолжилась во вторую дверь.

Вик, прислонившись спиной к двери, смотрел на девушку, присевшую на краешек кресла и затаившую дыхание.

– А ну, открывайте, мелюзга! Надуть меня решили? А ты, малец, твои сигареты я сейчас тебе в задницу засуну и выпотрошу тебя, за то, что вмешался! Я запомнил твою харю!

Вик присел, всё так же разглядывая её, больше восхищаясь, чем слушая ужасающие крики за спиной. Он бы мог поклясться, что никого страшнее из офицеров не встречал. Этот капитан выглядел действительно маниакально.

Удары начались по их двери. Вик спиной чувствовал, как она вибрировала. Вдруг, в районе замка послышался треск. Вик и девушка переглянулись. На её лицо напала какая-то странная решительность, это подчеркнулось бровями и скулами, а хвост на голове, стал как напряжённый стальной канат. Вик ухватил глазами полушария, торчащие из майки, поймал какое-то одухотворение, развернулся к двери и подпёр её ладонями. Треск в замке усиливался, а офицера, видимо, совсем не волновало, что он ломает чужое имущество.

– Мужчина! Я вызвал полицию! – сурово продекламировал Филипп, – Вы перешли всевозможные границы и я настоятельно прошу вас прекратить, пока вы не потеряли работу!

– Это я-то её потеряю? Ты хоть знаешь, кто я такой, еврейская ты жилка?! Да это ты скорее лишишься своего выблядского заведения, не родив своего первого Филиппа. С этого дня, оглядывайся по сторонам чаще!

По коридору послышались злостные удаляющиеся шаги, после чего Вик только сейчас осознал, что совсем не дышал. Он шумно выдохнул.

За дверью ещё какое-то время постоял и владелец Филипп, но Вик его не окликнул, хотя мог. Вскоре и он удалился.

– Почему ты не попросил его открыть нам дверь? – спросила она.

– Потому что в таких случаях, первое правило какое? Правильно, не покидать сразу укрытия.

Вика вдруг осенило, он вскочил со своего места, подбежал к ней, снова ухватил за запястье, вызывающее волны мурашек по всему телу и потащил к окну.

– Что ты делаешь? – возмутилась она гневно.

– Окно! Он сейчас пойдёт высматривать нас в окна! – шепнул Вик.

Вику офицер показался буйным, неотступным, совсем неглупым и вызывающим страх. Какой-то животный, грубый, необузданный страх. Не он ли ответственнен за убийство людей.

Они уселись под подоконником, обхватив колени руками. Вик пожалел, что не приобнял её за острые притягательные плечи, так настойчиво показывающиеся из-под майки и дающие обзору ещё и лямочки.

– Всего-то, шторы можно было занавесить, – сказала она спокойно, но уже совсем не скучающим голосом.

– Можно-то можно, но что-то мне подсказывает, что по шторам, он бы сразу догадался, что мы сидим именно за этим окном, – прошептал Вик.

– А ты сообразительный, – оценила она.

Вика прошила волна тепла, растёкшаяся по всему телу.

По окну послышался глухой удар, будто бы огромной мухобойкой.

Вик и девушка вздрогнули. По стеклу что-то ударило второй раз. Стекло застонало, собираясь вот-вот пойти трещиной.

«А вот теперь у нас точно не будет ни единого шанса сбежать от этого маньяка. Если раньше мы могли разбить окно, то теперь он с той стороны».

И Вик почему-то был уверен, что офицер не ограничится назидательной беседой. Его чудовищности требовалось какое-то большее удовлетворение и менее понятное обычному человеку.

Какое-то время за окном гробовым накатом давило затишье.

Он смотрел на неё, она на Вика. Он млел и боялся. Она же в какой-то момент решила встать, но он довольно бесцеремонно удержал её за плечо, затрясся от собственной наглости, какой бы никогда не применил в отношении такого нежного создания, снова приложил палец к губам и показал наверх. Вик даже вдруг вспомнил сцену из Властелина Колец, когда хоббиты прятались от назгула. И теми хоббитами сейчас были они, а назгула на улице некому было отвлечь.

Они выждали ещё неизвестность, плюс немного больше. Солнце за окном невозвратно поиграло лучами в сторону заката. Офицер за окном уже должен был отказаться от своей идеи стоять именно за их окном. Не мог же он догадываться или видеть, что они сидят под подоконником.

Девушка расправила ноги, Вик ей не помешал, он уставился в идеальность поджарых бёдер и его мужское естество, в ответ на её действие приготовилось взорваться. Потому-то он не смог бы сейчас последовать её примеру с вытягиванием ног.

– А мужа-то моего как зовут? – вдруг весело прервала она застоявшуюся тяжеленую тишину.

– Мужа?! – тупо, непонимающе, и даже разочарованно вопросил Вик, потом лицо его просветлело, а кончики ушей налились красным, – А-а-а, меня, ха, мужа, точно! Витя, можно Вик.

Он чуть заикался перед ней. Теперь страх перед офицером, понемногу начал перекочёвывать в страх перед будущей оплошностью. Да и в туалет опять захотелось, проклятый Приговор!

«Вот бы взять её ладонь в руку», – подумалось ему, – А жену мою как звать? Как-то мы с вами не подумали об обмене именами перед свадьбой! – спросил он.

Она улыбнулась. Мило так. Обескураживающе и с видом, будто всё он говорит правильно.

– Можешь звать меня Розалией, или Розой, и можно даже на «ты», – улыбнулась она.

Он незамедлительно взял её ладонь в свою, такую нежную, утончённую и поцеловал.

– Понял вас… эээ, тебя, Роза, – шумно выдохнул Вик, снова густо покраснев.

Никогда прежде он так не смущался при знакомстве с девушками, никогда не чувствовал себя настолько не в своей тарелке и никогда так не был уже счастлив, просто познакомившись.

– Честно признаться, я думал уже всё, – выпалил он, попытавшись помужественнее согнуть ноги в коленях, при этом перекрыть нарастающее возбуждение.

– Что всё, что он вломится к нам? – взметнула ко лбу одну бровку Розалия.

– Не, я собирался подойти познакомиться с вам… тобой ещё до того, как он подошёл, но глядя на такую… такой красоты девушку, мне было сложно правильно собраться и решить, как и с чего начать, – признался Вик.

– И поэтом ты изменил маршрут и пошёл не ко мне, а в туалет? – звонко расхохоталась она, – Я или туалет, выбор очевиден!

Она продолжила смеяться, и он посмеялся вместе с ней.

– Откуда тебе знать, как сильно ты можешь очаровывать и лишать дара речи! Мне нужно было собраться с мыслями сильнее, и чуть дольше, чем обычно!

– А сколько времени тебе нужно обычно? – полюбопытствовала она.

– Обычно мне приходится спасать девушку от не таких огромных офицеров, поэтому поменьше, – улыбнулся Вик.

Ей понравилось, она снова издала звонкий смешок.

– Как бы то ни было, я рад, что не прошёл мимо, и всё получилось! – сказал он, уже совсем не сбиваясь, и не пунцовея.

– О да, так бы я его просто отшила, он ушёл и я бы не сидела здесь с тобой, – хмыкнула она.

– Прости… – снова растерялся он.

Роза толкнула его в плечо – легонько и приятно, а он по инерции довольно закачался.

– Я не сказала, что мне это не понравилось! – помолчали, – Вы все моряки, когда вырастаете, становитесь такими жуткими?

– Я больше не вырасту, – Заверил её Вик, – Этот показал, каким быть не надо очень ярко!

– Именно так, может, уже встанем, тут даже кресла есть? – предложила Роза.

Он моментально вскочил ещё до того, как её фраза закончилась и учтиво, насколько мог, преподнёс ей руку.

Про кресла она погорячилась, мягкий карла стоял всего один, а вместо второго послужил трёхногий табурет, безжалабно принявший безжалобного матроса.

– Ты какими судьбами здесь? Я думал у нас в Припартске такие не водятся, – поинтересовался Вик, стараясь принять более менее непринуждённую позу.

Роза закинула ногу на ногу, расправила спину, обозначив миру свою стать и осанку. Её грудь так выдалась вперёд, что его глаза упали с её лица, а член наоборот резко откликнулся и срочно пришлось менять позу. Она сидела полная уверенности, женственности и превосходства. А он, полный восхищения и бесконечно кружащего по нему соблазна. То жар, то холод. От её внимательного взгляда это точно не укрылось, но и вида как будто не подавала, что взяла его в свои тиски. Как будто. Да и скажи она об этом прямо, он бы сразу же на эти тиски согласился без раздумий.

– Это какие «такие»? – поинтересовалась она слегка настойчиво.

Он даже не понял, как локон её волос с хвоста, перевалившегося вперёд, оказался наматываемым на указательный палец.

– Такие… идеальные, – только и промямлил он, зачарованно созерцая локон хвоста и властвующий над ним палец.

Роза улыбнулась, обнажив обезоруживающий прикус:

– А где «такие» бывают?

– На подлодке, разве что, – сморозил Вик, но после короткой паузы нашёлся – В головах матросов, которые долго не видят женщин и придумывают себе идеальнейшей красоты образы! Больше нигде!

– Зачёт, матрос! Но, такую бы ни один из вас не придумал!

– Соглашусь! – тут же добавил он.

– Ты даже не спросил почему, – опешила Роза.

– Да я итак всё вижу! – заверил Вик, – А ты надолго здесь?

– Ты даже не дождался ответа на первый вопрос, а уже за вторым! Настойчивый какой! Я здесь закупиться продуктами и пообедать, сама я не с Припартска и сегодня же уеду.

– А откуда ты, – спросил он с чувством нарастающей глубочайшей пустоты, – Ты же, не уедешь да… далеко?

Ну вот, снова заикнулся, показав свой страх и волнение.

Да ему больше и не было это страшно. А вот потерять её после того, как такое вожделенное знакомство завязалось, вот, что виделось катастрофой похлеще извержения Ключевской Сопки.

– Не переживай, живу в сорока километрах в близлежащем посёлке Залавный, – успокоила она, видимо, заметив, как он напрягся.

Вик шумно с облегчением выдохнул, чем заставил её улыбнуться глазами.

– Лав от слова любовь, а не лава же, да? – опять сморозил он, но мягко и невинно, что в текущем разговоре ей показалось очень милым, – Никогда там не бывал, но этот посёлок же совсем близко от деревни Подклюево?

– Верно, от любви, – хмыкнула она, – И второе верно, Подклюево в семи километрах от нас.

– Это… это… ты даже не представляешь, как это приятно звучит! – снова выдохнул он, отпнув пустоту внутри себя так далеко, что она завернулась сама в себя.

– С чего же это, – на сей раз на её лице заинтересованно взметнулись полторы брови.

– С того, что я точно не просто так хотел познакомиться с тобой и всё! Ни на одну ночь или один вечер. И уж точно собирался тебе предложить встретиться ещё не один раз! Я только вышел в отпуск, у меня есть целый месяц, но и он бы не ограничил меня в лимите общения с тобой!

Вик сам ошалел от сказанного. Это для него было несомненным достижением.

Роза искренне засмеялась.

– Спасибо, звучит интересно! Но и ты должен кое-что понимать обо мне!

Вик всем корпусом подался вперёд, внимая.

– Я девушка очень серьёзная. И честно, я сейчас не в отношениях. Последние закончились болезненно. Я тебя просто сразу на берегу предупреждаю, морячок. Как бы

чего не вышло. Мне неинтересны отношения: прибежал, облюбовал – пропал. Я ценю то высшее, что придумало с отношениями человечество из всех смыслов – создание семьи и заведение детей. Мне больше никакого краткосрочного опыта не нужно. Так, к сведению!

Вик, кивал и «агакал» на протяжении всей её речи:

– Я с тобой полностью согласен, подписываюсь под каждым словом, и даже хотел бы добавить…

Дверь в номер открылась с магнитного замка. Вик, смотрящий лицом в дверь, вздрогнул, но внутрь зашла уборщица.

Роза уверенно, как по команде встала и направилась к двери.

Опустошение выкарабкалось из своего тёмного угла, развернулось и начало нарастать в Вике. Она что, не поверила, она не верит, что он постоянный, он что, так не выглядит в этой своей нелепой запятнанной на штанинах форме о пивном пятне.

Он ошалело зашагал к ней, удаляющейся, с омрачающей разум походкой. Она уже вышла в коридор, тугой хвост волос мелькнул последним в косяке двери, он и сам настиг дверной проём. И она внезапно приблизилась к нему сбоку, одарив невероятным запахом его ноздри. Они блаженно задёргались, вдыхая аромат, цветочно ягодный. Естественный, живой, имеющий примесь красоты, любви, сильный запах женщины – самой вкусной и желанной и запах великого горя. Или нет.

Она чмокнула его в щёку.

– Спасибо, мой спаситель! Если ты был серьёзен, то послезавтра приезжай в гости на улицу Весылвенскую один, в Залавный, к часу дня, понадобится твоя мужская сила и помощь!

– Ничего другого и не жди, Роза! – пылко подтвердил он, – Других дел у меня попросту не сможет быть! Только не послезавтра!

Шиповник и чай

Вик, воспаривший в ногах, словно левитировавший над полом, прошествовал обратно к Крупской. Его даже не беспокоил рюкзак, оставленный в кафе, найдется ещё, и карточка с зарплатой, а что карточка, сейчас позвоню в банк и заблокирую, а завтра будет день, чтобы завести новую.

Вик неожиданно для себя увидел, что рюкзак стоит на месте, нетронутый, как и пиво с холодным шашлыком. Владелец Филипп подбежал к нему сразу же, как только завидел входящим.

– Я бы поставил вам за счёт заведения пива, да пищи, но и порекомендовал бы не задерживаться здесь. Он ещё два раза заглядывал вовнутрь и бегал два раза вокруг отеля! – рассказал Филипп, хлопая Вика по плечу.

Вик испугался, больше за неё, чем за себя, а если этот офицер настигнет её на парковке и… что он с ней сделает. Вик побелел и начал рваться прочь к выходу, но его удержала крепкая хваткая ладонь-лопата на плече.

– Парень, не дури! Если печёшься о госпоже Розе, то остынь, я позаботился, чтобы охрана сопроводила её до автомобиля! С ней всё будет в порядке!

Вика укололо, что владелец назвал её госпожой, Вик сейчас полагал, что только ему самому теперь следует её так называть.

– А сколько охранников вы послали с ней?

– Да не зверей ты, двоих! Этого хватит!

– Вы же видели его, он же не человек по размерам! Он их прожует и не подавится!

– Не кипиши, парень, – зашептал Филипп, – Клиентуру спугнёшь, они при стволах, всё ровно! Если ещё есть вопросы, зайдём ко мне, нечего тут посередине залы болтать!

– Надеюсь, ваше извинение-компенсация в виде пива и вкусно поесть всё-таки в силе, я сниму номер на две ночи, можно отнести туда!

– Тогда без речки, да купаний сегодня, скидку сделаю, и лишний раз носа за дверь не кажи! Душ у тебя там есть, еду принесут, в тренажёрку тоже не пущу.

– Договор, только на втором этаже! – согласился Вик, он и сам не собирался куда-либо, ему хотелось в одиночестве переваривать события сегодняшнего дня. Он ухватил рюкзачок, допил свой бокал, закинул остатки шашлыка в рот и, жуя отправился за Филиппом, который лично решил проводить его до номера.

Двадцать два. Здесь он уже останавливался прошлым летом, приятное совпадение, способное стать традицией.

Вик первым делом закрыл дверь на дополнительный замок изнутри, распахнул форточку, ему сразу показалось душно внутри, как и внутри рубахи, сбросил её, всю одежду, завесил шторы, будучи обнажённым, начал оглядывать парковку отогнув краешек шторы.

Два охранника стояли и мирно покуривали, глядя в сторону объездной дороги, проходящей через отель. По дороге, к выезду из Припартска направлялась тёмная машина. Это она! С ней всё хорошо, выдохнул Вик. Он совсем не обратил внимание на невысокого мужчину, так же стоящего на парковке, рядом со старой серенькой хондой «civic». Мужчина тот имел серые пепельные волосы, жуткую худобу, запавшие глаза, такие же серые, как и всё, к чему он имел причастие. И эти запавшие глаза пристально наблюдали за Виком, как только он обнажённым показался в окне. А как Вик оставил штору в покое, мужчина харкнул в сторону, уселся в хонду и, газанув на всю Камчатку, так же направился в сторону выезда из города.

Вик же решил похлопотать над застиркой формы. Он не доверял это дело горничным, решив самостоятельно попробовать ещё раз избавиться от масляных пятен и следа от пива.

После результата, чуть улучшившего положение формы, он нашёл гражданку в рюкзаке, педантично развесил её по спинке кресла, включил телевизор. Вновь новостной канал кричал с разных ракурсов о найденной жертве. Вик, естественно не узнал в толпе зевак, попавших в кадр в лесу того самого серого мужчину с пронзительными глазами. Вик его не заметил точно так же, как это случилось и на парковке. Но ощутил какой-то неприятный холодок, особенно услышав, что произошло убийство в лесу, всего в паре километров от отеля Филипповки. От холодка этого он съёжился, буркнул сам себе что-то успокаивающее, сходил в душ и облачился в белоснежный халат с парой неотстиранных красных пятнышек в районе груди.

Не успел он побыть с собой и нескольких минут, как в номер двадцать два принесли компенсацию от заведения. Четыре полулитровых бокала свежеразлитого Приговора, шашлык Сексот, Ведомство и большую тарелку королевских креветок.

«О лучшем можно и не мечтать, и мясо и морепродукты и вода!» – торжественно подумалось Вику. В конце концов, ему хватало времени в плаваниях питаться исключительно правильно.

За исключением ста граммов вина. В рационе моряка каждый день присутствовала порция в сто грамм красного, так что моряки без алкоголя не жили. Некоторые из них, конечно, совершали сделки – объединялись в группу из нескольких человек, например в семь, которые закидывали всё своё вино в общий пул и по жребию вытягивали счастливчика, кто сегодня уходит в отрыв. Естественно, тот, кому повезло, следующими днями не участвовал. И, таким образом время на службе пролетало быстрее, ведь ждали служивые не отпуска, а чуда с вином. Иногда увеличивали участников до четырнадцати человек, отчего счастливчик получал неполных полтора литра в день.

Посему, Вик позволял себе хорошенько и натренироваться, и надраться в отпуске, к тому же, если сейчас ему светят поездки в Залавный, то там-то он точно воздержится от алкоголя насовсем, в угоду всем тем чувствам, которые вызвала у него Роза.

Вик пригубил пиво, полистал каналы и начал хрустеть креветками, источающими аппетитный пар. Голова наконец-то очистилась от всех мыслей, он был доволен собой, рад сегодняшнему дню, и просто великолепно проводил время в одиночестве.

К окончанию последнего бокала в приоткрытом окне что-то послышалось. Его голова покачивалась или тело относительно головы, но он не помнил, чтобы открывал окно, или закрывал…

Вик прислушался, но не спешил подходить к шторам.

Тем временем закат уже был проглочен горизонтом, а у него горел свет, значит, что тому, кто внизу, его-то рассмотреть будет просто.

Шорох повторился, какой-то настойчивый и раздающийся. То ли шаг, то ли поступь крупного животного. Вик всё-таки опрокинул в себя остатки бокала, пригнулся, чтобы шторы не подсвечивали его силуэт.

Кто-то что-то будто бы ворошил под его окном. Ох, как же не хотел он сейчас нашуметь, а тело как назло качалось из стороны в сторону, как у сонной кошки, способной завалиться набок, где придётся. Вик притих, он совсем не был уверен, нашумел ли он, но честно старался управлять своим телом.

Снизу послышался какой-то гулкий удар по стеклу. Вик вздрогнул, поясницу сковало холодом, а пьяность смелости не придала. Он что, сейчас стоит под его окном только на первом этаже и высматривает нижний номер. Послышался ещё один удар, шорох, а затем… детский смешок? Словно бы кого-то пощекотали? Или отчего дети издают такие сдавленные полусмешки. Вик призадумался. Внизу ещё прошуршало и протопало – тяжело, не детскими ногами.

Но он вскочил на ноги и выглянул за штору. Голову взорвало жаром от резкого подъёма, глаза затуманились и словили, так называемые, вертолётики. Трава под окном была примята, так, словно кто-то ходил по кругу, вытоптанные следы вели в лес мимо парковки. Вик вёл по следам глазами, то и дело, спадая с вытоптанной тропы, но чудом возвращаясь.

Вот он вогнался глазами между двух изуродованных ольх.

Днём они такими не казались.

Между двух ольх мелькали жёлтые огоньки, множество, кружились, как светлячки, но что-то в них было леденящим душу. Вик понял что – кружились не огоньки, а глаза Вика. Он спешно потянулся к окну.

Светлячки остановились и слились в два, пристально смотрящих на него.

Послышался волчий вой. Громогласный, жуткий, совсем не предвещающий ничего романтического. У Вика перехватило дыхание, пиво тут же выскочило по всему телу через пот, а волосы всклокочились. Он спешно затворил окно и развернулся спиной к шторе.

Волк, это всего-то волк. Но что же в него впиталось где-то там поверх страха, чего он опасался больше самого страха, но понимал, что абсолютно беззащитен перед этим.

Глаза снова встали на место, и он теперь был обращён к двери, укрытой полутьмой, до каковой не дотягивался свет комнаты.

И Вик точно убедился, что ручка двери плавно, очень плавно опускается вниз, будто кто-то за дверью не хочет, чтобы его услышали.

Глаза снова покинули своё убежище и поползли на лоб, когда Вик обнаружил, что запор под магнитным замком не закрыт.

Не мог же он его оставить не закрытым, он сделал это сразу, как заселился.

А потом приходил официант.

Неужели после этого Вик потерял чуткость.

Ему хватило одной секунды, чтобы сорваться с места, преодолеть всё расстояние комнаты и попасть с первого раза рукой на засов, чтобы запереться.

Ручка по-прежнему была оттянута почти до самого низа.

После щелчка внутреннего запора, ручка так же медленно стала возвращаться на место.

Вик не понимал, с чем имеет дело и ему не хватило смелости что-то дерзко прокричать незримому за дверью.

Вместо этого он выключил свет и уселся на пол, обхватив колени руками и уставившись в щель под дверью. Полоска света произвела рябь из неуловимой тени и наладилась в своём рассеивании.

Вик так и смотрел пустыми глазами на этот свет.

Как бы сейчас хотелось поскорее встретиться с Розой, обнять её и не знать больше бед сегодняшнего дня. Это должно закончиться, как страшный сон. Завтра же нужно уехать к чёрту отсюда. Договориться с Антохой, чтобы тот пустил его на дачу. Даром ему не сдалось второй бесплатный день проживать в этой богадельне.

Вик сидел и дрожал, хотя в комнате сделалось жарко после закрытия окна.

Полоска света из-под двери больше не выходила из его обзора, и он совсем не замечал, что за спиной, при слабом свете телевизора, опять показывающего недавнее убийство, отчего-то *едва колыхались плотно занавешенные шторы.*

Он не отсчитывал, сколько времени просидел в неудобной сидячей позе, просто в какой-то момент упал на спину и заснул.

Беспокойно, тяжело ворочаясь в полах халата, из всего тела выбивался мерзкий холодный пот, халат пропитался насквозь.

Вик проснулся, совершенно не понимая, как он умудрился не заболеть. Халат можно было выжимать, и он пах солодом на всю комнату.

При всём при этом было ужасно жарко, несмотря на то, что солнцу не удавалось достойно пробиться сквозь шторы. Всё же, одна штора сверху была сильно отогнута настолько, что солнце, уличив временной момент, запульнуло весёлый лучик,

пристреливаясь Вику в лицо, отчего он начал приходить в себя и снимать липкую пелену вчерашнего дня.

Первым же делом, он позвонил Антохе.

– Вик, братан, рад, что ты позвонил, погнали сегодня ко мне, я вчера немного, э-э-э, переусердствовал и… в общем, расстались мы, шляпа получилась. Полная. Смогёшь?

– Антоха, рад слышать, в смысле тебя, а не потому, что у тебя произошло, – запнулся Вик, – Тоже денёк выдался такой себе, с удовольствием, брат, сегодня буду, хоть сейчас!

Он спешно дожевал вчерашний ужин, ухватил со стула *мятую, будто пожёванную* гражданку, запаковал всё своё имущество в рюкзак, вычистил зубы так, будто драил гальюн и поскорее выскочил из номера, в надежде, поскорее покинуть это место. Даже к окну не решился подходить. Внизу подавали завтрак «Ленинградская прима», состоящий из голосящих яиц и творожных сырников. Но Вика интересовала только вода. Он отбросил газету с ближайшего гранёного стакана, и нацедил себе в рукомойнике стакан, хотя мог бы попросить официанта. Но во рту стоял такой вкус противнейшей горечи, будто он падаль жевал полночи, что даже зубная щётка и вчерашние остатки пищи это не смогли перебить.

Филипп смотрел на него будто бы с пониманием, тяжёлым взглядом, как бы говоря: « Я всё знаю, пацан, крепись, таково уж оно!», но подходить не спешил, не сводя с Вика косого неприятного взгляда.

Своей примы Вик решил не дожидаться и поскорее выскочил на улицу, чуть не задохнувшись от прелестей свежего уличного воздуха и утра.

Он разом ослеп от солнца, голову пронзила похмельная боль, а на тело напала вялость, словно подступал грипп.

«Так не пойдёт, завтра я должен быть лучше себя прежнего, перед ней не позволю себе упасть в грязь лицом!».

Стакан воды тут же вышел через поры, вяло передвигающиеся ноги не смогли изученным прежде движением преодолеть бордюр, окантовывающий площадку парковки и Вик полетел лицом вниз, пытаясь выставить вперёд вяло двигающиеся руки.

И надо же было такому совпасть, что он упал в лужу. Небольшую. Но как будто бы единственную во всём мире, смешливо отзывающуюся на имя «Грязь».

Это встряхнуло Вика. Он ненадолго пришёл в себя. Задача срочного выполнения, такая, как отстираться и отмыться чуть вправила мозги, он вернулся в номер в отеле, бессовестно прошаркав грязной обувью по бежевому ковролину с хаотическими, даже

жуткими, если присматриваться узорами. В номере он предварительно закрылся, не считая больше нужным в любое время суток ждать незваных гостей и *явления*.

События прошлой ночи он помнил смутно, но они тревожили, он точно понимал, что это не пьяное состояние, а нечто другое.

Вик обратил внимание, что шторы разнавешены.

Обслуживание номеров, только и подумалось ему.

Благо для его спокойствия, что он не обратил внимание, на так и оставшийся поднос с пищевыми отходами и открытое окно. Обслуживание номеров бы убрало мусор.

Вик отмылся, застирал, как мог футболку, хорошо, что олимпийку не надевал, кропотливо оттёр каждое пятнышко с джинсов и с белых кроссовок. Ему показалось, или в следах грязи на кроссовках, он усмотрел красные густые пятна.

Снова леденящий вчерашний холод. Вика вырвало. В унитазе премерзко плавали вчерашние креветки, шашлыки и даже пенящееся пиво. Он ничего не переварил. Вика вырвало ещё и ещё раз. Он не смог остановиться, пока с него не пошла желчь.

Снова испив воды из-под крана, он почувствовал себя хоть немного легче. Лоб знобило, руки тряслись и ходили ходуном. Тягостность номера двадцать два задавливала.

Он бы сдался сейчас и вновь вырубился, но мысли о Розе… Это пробудило, заставило действовать, жить и покинуть это место раз и навсегда.

Вик снова выскочил из отеля Филипповка, вновь не тратя времени на попытки бесплатно позавтракать.

Он оббежал лужу стороной, теперь тело слушалось охотнее. Остановился у отельных номеров, попытался найти глазами свой номер, отсчитывая окна от края стены. Его удивило, что шторы его окна уже оказались плотно занавешенными, ведь последний раз они были открытыми. В то время как остальные окна имели распахнутые шторы, а из соседнего номера с Виком, сквозь стекло, засветлённая солнцем, как будто бы именно на Вика, вперилась лысая голова. Он отвёл взгляд в поисках вытоптанной под окнами травы, но ничего не нашёл. Трава приняла свою прежнюю форму и даже те две изуродованные ольхи он не смог рассмотреть, как не пытался. Деревья будто бы поменялись местами, а те страшенные корневищные изваяния удалились вглубь леса. Проверять это Вику не хотелось. В данном случае этот лес сейчас казался ему не менее опасным, чем морская глубина.

Вик больше не стал озираться по сторонам и двинулся к автобусной остановке. В деревню Подклюево автобус ходил каждые два часа, у него ещё оставалось около получаса ожидания.

Вик не обращал внимания на двоих мужчин и одну женщину на парковке. Они – застывшими каменными истуканами стояли у своих машин и наблюдали за парнем, удаляющимся от отеля. Пока он не покинул их поле обзора, они будто бы и не шевелились вовсе. А уже после направились по своим делам.

Вик высидел своё время на остановке максимально сокрыто и интровертно. До него время от времени докапывался один и тот же курильщик бомжеватого вида. Каждый раз, на отсутствие у Вика запрашиваемых сигарет, курильщик извинялся и говорил, что, дескать, запамятовал, что уже спрашивал у него. Хотя всех остальных спросил по одному лишь разу. Вика это сильно напрягло, чего это он, в глазах-сканерах бомжа, менял свой облик что ли, или был настолько серым, что тот так и не смог его идентифицировать.

Вскоре дряхленький автобус, трясясь и грохоча, подобрался к остановке, попыхтел чёрными облаками и впитал в себя немногочисленных путешественников. В раскалённых автобусных внутренностях нашлось место и для Вика – часто он ездил стоя.

До Подклюево добрался без происшествий, глядя неотрывно в окно. Единственное, что Вика огорчало, это то, как быстро увядает растительная живность за окном, по мере приближения к Подклюево.

К сожалению, Вик отметил, что в этот год деревня и окрестности пострадали ещё больше, чем в прошлый. Даже зелень на подъезде к деревне стала мрачней. Всё словно бы выказывало свою вялость, от покосившихся домиков, до самих людей, которых словно тянуло к земле. Или это только первое впечатление. Дача Антохи находилась по пути следования, и Вик выскочил прямо около неё, не доезжая до остановки. Дача Антохи не выглядела такой халупистой, как большинство местных домов, но и в ремонте нуждалась многолетнем, с их-то службой. Дерево, служившее сайдингом, потемнело до черноты и серости, большинство грядок пустовали не перекопанными ещё с весны. Антоха ограничился лишь пятью грядками и двумя теплицами, а картошку вообще перестал сажать. Заборчик нуждался в дополнительных штакетинах или полной замене. Ну а крыша дома прохудилась на веранде. В прошлый год Антоха придумал лишь хитрый сток, где вся вода, затекаемая на веранду через жёлоб, установленный внутри, вытекает через окно на улицу прямо в уличный рукомойник, расположенный под верандой. Антоха тот ещё инженерный эксклюзив дома Кулибиных – как придумает, так хоть стой, хоть падай, хоть уползай. Но всё как-то работало. Мангальная зона, расположенная под кривыми соснами, вообще вся выглядела увядшей. Сосны почти до самого основания не имели иголок, растыкивая небо разлапистыми ветками. Лишь самые их макушки плешиво зеленились далеко наверху.

Вик прошёл на участок и опять позабыл про верёвочную систему, незаметно привязанную Антохой к калитке, которая при открытии активировал бой колокольца, висящего на крыльце. Большой колоколец, надо было признать, Антоха даже шутил, что в церквях для карликов, звонари бьют именно в такие колокола. Антоха, потягиваясь, вышел с крыльца. На его глазу подсвечивался свежезаряженнный фингал. Антоха спустился, тепло поздоровался. Обнялись.

– Это я вот, так мы и расстались, след решила оставить. Кобыла!

– А ты ей? – не преминул спросить Вик.

– А я ей по хребтине вот как этой лопатой долбанул, – хвастливо отозвался Антоха, показывая свою немаленькую раскрытую ладонь.

Да, он постоянно бил девушек, не сильно, но ни одна из его возлюбленных, не уходила от него без побоев. А аргументация, навроде: «Девушек бить нельзя!», на Антоху не работала. Он всегда находил тысячи аргументов, почему их бить можно, постоянно пополнял этот список и бил девушек, доказывая, что аргументы работают.

И Вик обычно-то нравоучал, не оставаясь в стороне, но сегодня как-то уж слишком разбито себя чувствовал.

– Ты, смотрю, тоже, как говно выглядишь, – приметил Антоха.

– Да, отвык от земли, спал тяжело, – сказал Вик.

– Так в кровати надо спать, дурик, а не на земле! Ладно, айда в дом, пожрём чего, да работать начнём!

– Нет, есть пока не хочется, извиняй, – отклонил Вик, чуть вновь не испытав рвотный позыв.

– Да, ты ж мой идеальный гость, как скажешь, ну а я пожру! Стресс надо заедать, а баб поучать!

Пока Антоха управлялся с недоваренными пельменями, Вик просто сидел на крыльце. Дом считался крайним в посёлке, и мимо постоянно сновали люди. Каждый зачем-то норовил взглянуть на Вика тяжёлым взглядом из-за низкого забора.

Вик дождался Антоху, получил фронт работ и до конца дня паял ПВХ трубки по чертежу, который они сами же и нарисовали. Вик, как мог, обрисовал ситуацию, произошедшую вчерашним днём. Он вообще сомневался, стоит ли такому скептику, как Антоха рассказывать об этом, к тому же, вообще не хотел упоминать Розу, но пришлось.

– Вот, все проблемы из-за баб, брат! Я бы тебе предложил не ехать к ней завтра, лучше давай по шашлычку, да по пивку! Как раз первую грядку с поливом и отметим.

– Предложение заманчивое, дружище, но я уже пообещал, а так нельзя! – отклонил Вик.

– Дурик, так с мужиками нельзя, с бабами-то можно! А вообще. Странная история, но и не удивительная. Это, по ходу проклятье нашей деревни ползёт всё дальше, уже к городу. Ты ж сам видал, какая тут трава и люди. Всё погибает, а они даже друг за другом этого не замечают. Потому что все такие, понимаешь? А я замечаю, потому что фингал у меня, ха-хах, да не, потому что вот на службу катаемся, и я как-то не успеваю заразиться этой ходячей смертью.

– И что, ты думаешь, это расползается с вашей деревни вокруг, захватывая всё новые территории?

– Точно тебе говорю, бабка у нас самая старая, она типа как волхвиха, или ведунья, побери её, она и говорит, что проклятье неведомо с какого дома идёт. Говорит, у нас в Подклюево здесь закопано древнее языческое кладбище, в чьём-то подвале и оно-то и источает эту скверну. Жители, те, что поживее, на веру приняли, все дома повскрывали, в подвалы повлезали, ничего не нашли. У меня, суки, в эту автономку инструмент потырили. Шуруповёрт канулевый совсем и циркулярку. Я б и сам, понимаешь, показал им подвал свой, если бы пришли и попросили, так нет же, надо вышибать штакетины в заборе и ломать замки. Так что я не только с грядками на бабки попал, но и с бабкой ведуньей на бабки.

– А сам ты в это веришь? – поинтересовался Вик.

Он уже не в том возрасте, когда что-то сверхъестественное будоражит разум и заставляет этого пугаться, но произошедшее ночью, живо развернуло его разум.

– Я вижу. А глазам не поверить не могу. Ещё год назад всё было куда благоприятнее. Что ж, будем посмотреть, будем стараться, поддерживать землю, как можем, а может, и ещё чего от бабки волхвихи услышим.

– А чего бы вам у неё не спросить подробности и как с этим бороться? – предложил Вик.

– А потому как, братан, она ж не с ходу это заявила, у неё эта муть нежицкая в башке где-то на чакровых подкорках. Она, как бы это сказать, только в особых трансах выдаёт свои пророчества, а трансы возникают только в особые полнолуния, и то не во все. Вот местные на всю округу и говорят, что всего недели три назад и случился очередной транс, и бабка волхвиха и рассказала, что беспользно всё, чё мы делаем с землёй, пока капище не отыщем и не сожжём.

– А раньше что-то говорила про это? Это ж не первый транс, наверняка?

– Говорила, а как не говорила! Всё время чё-то базлает, сколько Подкклюево существует. Но раньше-то, она только нагнетала, мол, грядёт беда, что поглотит жизнь и

плодородие и привяжет всех живых к этим местам. Дескать, покидать мы их не сможем. Но я же могу.

– А остальные выглядят так, как будто не могут, – отметил Вик.

– То же верно, как и сама бабка – её ваще к полу скрутило. Может и то есть правда. Может мне и суждено разобраться, что не так с деревней, раз она меня не принимает за своего и не даёт себя чувствовать таким же ущербным.

Согбенные, усталые жители Подклюево до позднего вечера ходили туда-сюда, обязательно одаривая Вика своими тяжеленными зенками.

Когда они закончили работу, Антоха предложил поужинать всё теми же пельменями, да пивом-чаем. У Вика наконец проснулся аппетит и он даже сам позаботился в этот раз, чтобы довести пельмени до нормальной готовности, а после сделал соус из уксуса, сметаны и растительного масла. Ничего другого собственно в холодильнике и не имелось. Даже повешенной мыши не сыскать.

Вик устал, больше от голода и похмелья, нежели от физического труда. Да и ощущалось ему нездоровье этих земель. Будто что-то плакало из-под земли, стенало и просило о помощи. Антоха определил его в пыльную мансарду над первым этажом и Вик, зачихавшись, улёгся на матрас, взметнувший в воздух облако пыли. Но открывать старое деревянное окно Вик почему-то не решился, вспомнив окно в номере 22.

Антоха улёгся на первом этаже в зале-кухне на диване, прямо в одежде, не заправляя ложе постельным бельём. Он захрапел через минуту, как приложился к подушке.

Вик же опять чувствовал себя беспокойно, он вскочил с матраса, как только заслышал храп, сбежал вниз, проверил, что они закрылись, обошёл все окна, обнаружил, что окно на кухне приоткрыто, закрыл и его. Задёрнул все шторы на первом этаже. У него на мансарде штор не имелось, к тому же матрас на палетах вместо кровати лежал так, что его лицо смотрело прямо на улицу, через стекло с длинной трещиной, залатанной скотчем.

«Скорее бы уже завтра, скорее бы к Розе» – в надежде вырубиться в приятных измыслиях, думал Вик.

Но сон не шёл. Вик ненавидел себя за это. Он не выспался перед сходом на сушу, не выспался в отеле, а здесь просто обязан был заснуть, но ничего не выходило. По дороге возле дома кто-то, шаркая протопал, Вик пугливо осмотрел чёрный полускрюченный силуэт. Про себя начал молиться, чтобы он просто прошёл мимо, как и все местные и всё. Просто, дайте поспать.

Но некто прошаркавший и напрягший Вика донельзя, не прекратил. Через минут десять, когда Вик уже начал смежать очи, и путаться в сознании, силуэт прошаркал